

материалистическое объяснение, анализируя факты, а не следуя «буржуазным исследователям». Причем на самом деле я связываю его не только с охотой. На стр. 68 указывается целый комплекс факторов, которые, по моему мнению, оказывали воздействие на общественные отношения у аборигенов. Это, во-первых, характер мужского труда, его более высокая техническая оснащенность, тот факт, что мужчины производили и распоряжались основными орудиями труда. Во-вторых, это охота, важное социальное значение которой мною обосновано. Кстати, роль охоты в переходе от женского к мужскому счету родства отмечена в книге «Народы Австралии и Океании»⁵. Наконец, в-третьих, это почти повсеместный обычай патрилокальности брака, вследствие чего мужчины оставались в своей родовой общине, на своей земле, а женщины уходили или приходили из других родовых общин. Далее я пишу: «Отмеченные экономические причины в своей совокупности достаточно убедительно объясняют руководящее положение мужчин в австралийских общинах». Если авторы статьи не согласны с моим объяснением, они вправе, разумеется, предложить свое собственное. Однако они этого не делают.

3. Наконец, авторы статьи упрекают меня в том, что я «почти не использовал» советскую литературу по австраловедению. И это неверно. Во введении к своей работе я пишу: «Большую помощь автору оказали работы советских этнографов и археологов, особенно капитальный труд, изданный Институтом этнографии Академии наук СССР в серии «Народы мира», в котором впервые на русском языке всесторонне и глубоко рассмотрены хозяйство, общественный строй, материальная и духовная культура австралийцев»⁶. Имеется в виду книга «Народы Австралии и Океании», вышедшая под редакцией С. П. Толстова и С. А. Токарева. Кроме того, как это видно из многочисленных ссылок в моей работе, мною использованы другие работы С. А. Токарева, а также работы П. И. Борисковского, Н. А. Бутинова, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, Д. К. Зеленина, А. М. Золотарева, М. О. Косвена, А. Н. Максимова, А. П. Окладникова, Б. Ф. Поршнева, С. А. Семенова, А. Спиркина, А. А. Формозова, Ю. П. Францева, Г. Ф. Хрустова (в том числе неопубликованные и находящиеся в архивах работы А. М. Золотарева и П. И. Борисковского). Разумеется, использованы только те работы советских авторов, которые имеют отношение к теме моего исследования. Я думаю, однако, что задача самостоятельной творческой научной работы состоит прежде всего в том, чтобы исследовать факты.

В. Р. Кабо

⁵ «Народы Австралии и Океании», стр. 169.

⁶ В. Кабо, Каменные орудия австралийцев, стр. 6.

ПО ПОВОДУ ПИСЕМ Н. А. БУТИНОВА и В. Р. КАБО

Говорят, что истина рождается в спорах. К этому следует добавить: только в таких спорах, которые ведутся с соблюдением известных правил. Истина не может родиться, например, в тех случаях, когда суждения противника будут искажены и объектом полемики станут не его собственные, а домысленные за него взгляды.

В своем ответе на рецензию Ю. Аверкиевой, А. Першица, Л. Файнберга и Н. Чебоксарова Н. А. Бутинов предъявил авторам несколько обвинений: голословность, уход от существа дела, некорректность. К ним мы вернемся позже. Пока же отметим, что обвинения в нарушении правил полемики среди выдвинутых Н. А. Бутиновым обвинений нет. К сожалению, мы не можем ответить ему тем же. Приведем в качестве примера только один — а именно 2-й — абзац его письма.

«Материнско-родовая теория первобытности, защищаемая авторами статьи (имеется в виду рецензия.— *Авторы*) [1], по существу отождествляет доклассовое общество с материнским родом. Материнский род первичен, т. е. возникает в начале верхнего палеолита как первая форма человеческого общежития, и универсален, т. е. господствует вплоть до появления частной собственности, когда он уступает место [2] у одних племен отцовскому роду, у других — соседской общине. Далее, авторы статьи утверждают, что [3] на всем протяжении первобытной истории материнский род представляет собой хозяйственный коллектив. Они полагают, что [4] в палеолите и неолите господствовал дислокальный брак, муж и жена принадлежали к разным общинам, и поэтому каждая община была одновременно родом [5]. Так выглядит, пишут авторы статьи, «эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма» (стр. 200) (разрядка всюду наша.— *Авторы*). А теперь обратимся к тексту рецензии. Там нет — ни по существу, ни по форме — отождествления доклассового общества с материнским родом, да и не могло быть, так как авторы знают, что доклассовое общество включало,

наряду с эпохой материнского рода, по меньшей мере еще и эпоху первобытного человеческого стада. Там ничего не говорится об историческом соотношении отцовского рода и соседской общины, да и не могло говориться, так как у авторов нет по этому поводу общего мнения. Там нет утверждения, что материнский род был хозяйственным коллективом на всем протяжении первобытной истории, да и не могло быть, так как авторы знают, что в развитом матриархате хозяйственные функции рода перешли к так называемым коммунистическим домохозяйствам, или материнским семьям. Там ни слова не сказано, как долго господствовал дислокальный брак, да и не могло быть сказано, так как часть авторов относит его лишь к начальной поре матриархата, а в его поздних формах видит рецидив, связанный с переходом от матриархата к патриархату. И, наконец, авторы рецензии никогда не позволили бы себе приписать классикам марксизма такое собрание собственных домыслов, какое приписал авторам Н. А. Бутинов. На самом деле в тексте рецензии сказано: «Эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма — это не только счет родства по материнской линии, но прежде всего коллективизм производства и потребления, общественная собственность на основные орудия и средства труда, отсутствие частной собственности, отношений господства и подчинения, моногамной семьи и веры в единого бога, т. е. отсутствие тех признаков, которые объявляются буржуазной наукой извечными чертами человеческого общества» (стр. 200).

Итак, в тринадцать строчках текста пять искажений. Не слишком ли много? Не странная ли манера полемики в поисках истины?

Не больше могут способствовать установлению истины какие-либо ссылки на суждения, высказанные противником в его прежних работах. Что, например, изменится в нынешнем споре, если мы напомним о том, что в 1951 г. Н. А. Бутинов иначе оценивал значение дислокального брака или роль европейской колонизации в судьбах матриархата у австралийцев? Поэтому мы не видим смысла в обсуждении приведенных Н. А. Бутиновым выдержек из работ Ю. П. Аверкиевой, А. И. Першица и Л. А. Файнберга, хотя было бы нетрудно доказать, что некоторые из этих выдержек также искажены, некоторые же могут быть поняты только в контексте.

Еще одним бесперспективным путем поисков истины следует признать упражнения с цитатами из марксистской классики, обращение не к общему смыслу работ и концепций, а к отдельным высказываниям. Известно, что если оперировать цитатами, тем более выхваченными из контекста, тем более усеченными, то можно доказать все, что угодно. По-видимому, Н. А. Бутинов и в своей работе 1963 г., и в нынешнем письме в редакцию часто идет именно этим путем. Вероятно, и авторы рецензии несколько увлеклись этой хитроумной игрой в цитаты. Что касается нас, то мы искренне об этом сожалеем. Поэтому мы позволим себе уклониться от дальнейшего участия в сопоставлении отдельных высказываний классиков о материнском роде. На наш взгляд, достаточно и того общеизвестного обстоятельства, что Энгельс считал материнский род первичной по отношению к отцовскому роду универсально распространенной общественной формой и что Ленин, который не разрабатывал проблем первобытной истории, но касался их в своих трудах, не считал нужным его поправить.

Но может быть, Энгельс все же ошибся в своем понимании места материнского рода в истории общества? Ведь с тех пор утекло немало воды и наука во многом шагнула вперед. Разберемся в существе этого вопроса.

Историки первобытности судят о родовом строе преимущественно на основе этнографических материалов по отсталым народам мира. Как правило, эти материалы не старше 18-го века. Но к новому времени и даже задолго до него отсталые народы уже не были первобытными. Они прошли столь же длинный путь, что и самые развитые народы. Судьбы их были сложными: одни в той или иной степени регрессировали, попав в неблагоприятные условия (бушмены, огнеземельцы), другие при всей своей отсталости так или иначе испытали влияние древних или средневековых цивилизаций (пигмеи Конго, ведда). Начавшаяся в позднем средневековье или в новое время европейская колонизация, как бы мы ни оценивали ее последствия применительно к истории отдельных народов, также не могла не оставить следов в жизни населения колоний. Так, С. А. Токарев, исследуя родовой строй в Меланезии, отмечал: «...не всегда можно учесть, что именно в социально-экономических отношениях меланезийцев может быть отнесено за счет влияния европейских торговцев, миссионеров, чиновников, колонистов. Со времени появления первых европейцев в Меланезии прошло более 3½ веков, и за это время местами могли успеть произойти такие изменения в социальных отношениях туземцев, которые, возникнув под влиянием, например, первых торговых сношений с европейцами (XVIII в.), могли быть констатированы наблюдателями, даже сравнительно ранними (середина XIX в.), как уже существующие факты и без установления их действительного происхождения»¹. В общественном строе отсталых народов произошли как бы стратиграфические смещения, приведшие к сосуществованию самых различных и казалось бы несовместимых институтов. История отсталых народов, как правило,

¹ С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2, стр. 47.

почти неизвестна, их первые этнографические описания обычно фрагментарны, а последующие сделаны уже в эпоху колонизации. Можно ли, принимая во внимание эти обстоятельства, судить по институтам, зафиксированным у того или иного народа в 18, 19 или 20-м веках, о его подлинно первобытных институтах? Очень трудно. Но так как другие способы реконструкции первобытного общества пока существуют лишь в воображении фантастов, приходится довольствоваться тем, что есть. С одним непрременным условием: учетом источниковедческой специфики истории первобытного общества, т. е. прежде всего учетом всей совокупности данных сравнительной этнографии, наиболее типичных линий общественного развития и общего направления всемирно-исторического процесса.

К тому времени, к которому восходят первые удовлетворительные сообщения о родовом строе, одни племена жили в условиях материнского рода, другие в условиях отцовского рода, у многих же переплетались отдельные элементы обоих этих порядков. Установить на основе наших источников строгую зависимость между типом родовой организации и уровнем развития производства — в этом Н. А. Бутинов совершенно прав — часто невозможно. Так, примитивные сери и относительно развитые минангкабау жили материнско-родовым строем, примитивные огнеземельцы и относительно развитые готтентоты — отцовско-родовым строем. У одних из живших бок о бок племен (австралийцы, индейцы Амазонии) зафиксирован материнский род, у других — отцовский род. Отсюда возможны следующие рабочие гипотезы: 1 — материнский и отцовский род возникли как параллельные линии эволюции, 2 — материнский род предшествовал отцовскому, 3 — отцовский род предшествовал материнскому.

Первая гипотеза, сторонником которой недавно выступил Н. А. Бутинов, привлекает своей кажущейся простотой. Но нам она представляется бесперспективной. В самом деле, чтобы вступить на путь ее разработки, надо исходить либо из того, что раннепалеолитические первобытные стада превращались в родовое общество в качественно различных условиях, либо из того, что возникновение того или иного типа общественной организации было делом случая. Первое допущение отвергается археологией, второе — марксистской философией.

Остаются две гипотезы, иначе говоря, вопрос о приоритете одного из двух типов рода. В пользу приоритета материнского рода говорит ряд аргументов. Первый из них был выдвинут Бахофеном, Морганом и Энгельсом: в условиях первоначального, группового брака происхождение могло вестись только по материнской линии. На это можно возразить, что в условиях дуально-экзогамного группового брака была известна вся группа отцов. Однако, с другой стороны, вряд ли человек на рубеже своей сапиентации полностью скидывал со счетов и естественную биологическую связь с матерью. Следующий аргумент был выдвинут Тэйлором: у подавляющего большинства патриархальных племен зафиксированы пережитки матриархата, обратная же картина никогда не наблюдалась. Этнографии известно множество фактов перехода от материнского рода к отцовскому и ни одного — перехода от отцовского рода к материнскому. Возразить на это, по-видимому, нечего. Наконец, логичное соображение было высказано Ю. И. Семеновым: при первоначальной дислокальности брачного населения ребенок мог принадлежать только к коллективу матери, что влекло за собой и соответствующий счет происхождения. Возразить на это можно, усомнившись в первичности дислокального брака. Однако известно, что у многих патрилокальных народов отмечены пережитки матрилокальности, а у матрилокальных — пережитки дислокальности (в частности, дислокальность до рождения первого ребенка). Вторая гипотеза подкреплена великим количеством этнографических фактов, систематизированных в работах Бахофена, Моргана, Тейлора, Хартлэнда, Ковалевского, Бриффолта, Косвена, Золотарева и других исследователей. Здесь мы их, естественно, повторять не можем — даже под угрозой обвинения в голословности.

В пользу третьей гипотезы говорит один аргумент — то, что у части австралийских племен, ведда, аэта, семангов, сеноев, огнеземельцев, бушменов и некоторых других, принадлежащих к числу наиболее отсталых групп человечества, ко времени их первых этнографических описаний был зафиксирован отцовский род. Это — бесспорный факт, обязывающий сторонников второй гипотезы найти ему объяснение. Скажем прямо, исчерпывающе объяснить его сегодня, при нынешнем состоянии изученности этих народов и в отношении всех этих народов, нельзя. Но и здесь есть одно решающее обстоятельство: сторонникам третьей гипотезы все время приходится расставаться то с одним, то с другим экспонатом из своей коллекции «патриархальных примитивов». Так, в отношении австралийцев уже давно было установлено, что у большинства их отцовско-родовых племен сохранились те или иные обычаи, которые могут быть объяснены только как пережитки материнско-родовых институтов, например, обычай делиться добычей с родственниками по линии матери, родителями жены и т. п. Другие наблюдения показали, что в мифологии некоторых отцовско-родовых племен Австралии очень важное, иногда господствующее место занимают женские образы. Среди части ведда обнаружены пережитки матрилинейного наследования. У огнеземельцев зафиксированы пережитки матрилокального поселения и обычай кувады. Среди калифорнийцев, которых долгое время вообще считали не знавшими родового строя, выявлены

остатки матрилинейного наследования и матрилокального брака. Таким образом, есть все основания считать, что в дальнейшем развитии этнографии обнаружатся пережитки матриархата и у других «патриархальных примитивов».

Так, конечно, в самых общих чертах обстоит дело с проблемой исторического соотношения материнского и отцовского рода. Другое дело — вопрос о том, почему у некоторых племен отцовский род сочетается с относительно низким уровнем развития производства. Ответа на этот вопрос можно искать только в конкретных особенностях географической среды и исторической обстановки — сочетании природных факторов, специфика хозяйства, влиянии соседних обществ, колонизации и т. д. В частности, ранний переход австралийцев к отцовскому роду мог быть связан не только с колонизацией и вызванными ею переселениями, но и с особенностями австралийской фауны, облегчавшими развитие индивидуальной охоты, парцеллизацию труда, возникновение индивидуальной семьи. Ранней патриархальности семангов и сеноев могли способствовать особенно благоприятные условия окружавшего их «тропического рая». Иначе обстоит дело у веда, еще в средние века плативших дань сингалезским королям. Словом, каждый такой случай — это сложнейшая историко-этнографическая проблема, еще ожидающая своего исследователя.

Почему положение о первичности и универсальности материнского рода так существенно для марксистского учения о первобытном обществе? Потому что только исходя из этого положения можно объяснить механизм возникновения и развития родового строя. Потому что именно классический материнский род в наибольшей степени воплощал в себе начала первобытного коммунизма. Потому что любой отцовский род, даже отцовский род примитивных австралийцев, представлял собой более сложную и противоречивую форму, чем классический материнский род, и содержал в себе хотя бы зародыши моногамной семьи, патриархальной власти и т. п.

Как это видно даже из названия рецензии на работу Н. А. Бутинова, центральным пунктом полемики был вопрос об историческом соотношении материнского и отцовского рода. Поэтому мы не можем принять упрек Н. А. Бутинова в том, что рецензенты уклонились от обсуждения главного вопроса полемики. Другой поднятый Н. А. Бутиновым вопрос — о различении понятий «род» и «родовая община» — носят, на наш взгляд, не главный, а второстепенный характер. И раньше советскими историками первобытного общества отмечалось, что с переходом от дислокальности к матрилокальности чужак-муж отчасти включался в хозяйственную жизнь рода жены, нарушая тем самым в какой-то степени идеальное экономическое единство родового коллектива. Однако лишь в небольшой степени: парный брак тем-то и отличался от моногамии, что оставался временным и непрочным, не вторгался в отношения родовой собственности и не разрывал хозяйственных связей пришельца со своим собственным родовым коллективом. Предложение Н. А. Бутинова различать в истории первобытного общества понятия «род» и «родовая община» основано на двух моментах: 1) не подкрепленное какими-либо аргументами отрицание начальной дислокальности и как следствие этого распространение некоторых особенностей хозяйственной жизни, свойственных локализованному брачному поселению, на предшествующий период родового строя и 2) преувеличение экономических последствий парного брака и как следствие этого отрицание экономической роли рода. Очевидно, что если не допускать хотя бы этого преувеличения и учитывать, что, в каком бы соотношении ни находились на разных этапах развития материнско-родового строя хозяйственная жизнь рода и хозяйственный быт парной семьи, общий баланс всегда был в пользу рода, всякая надобность в надуманном различении понятий «род» и «родовая община» полностью отпадает. Что же касается различения этих понятий применительно к этнографии папуасов нового времени с их деформированным родовым строем и развившимися элементами патриархата — то почему бы и нет: автором могут быть применены любые заранее дефинированные условные термины. Все же и здесь более удачным, не создающим неверных ассоциаций с ранее установившимися терминами представляется предложенный в 1933 г. С. А. Токаревым применительно к той же общественной ячейке у тех же папуасов термин «родственно-территориальная группа».

И последнее. Хотелось бы подчеркнуть еще раз, что предпринятая в статье Н. А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи» попытка мимоходом, без всякой аргументации зачеркнуть разработанную кропотливым трудом двух поколений советских ученых концепцию материнско-родового строя производит весьма неблагоприятное впечатление. Тем не менее, если он счел какие-нибудь выражения нашей рецензии для себя обидными, то мы, разумеется, о них сожалеем.

* * *

В рецензии на статью Н. А. Бутинова была попутно затронута помещенная в том же сборнике статья В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев». Нельзя не признать, что такие попутные замечания — далеко не лучший вид критики, тем более, что в одном из них — об использовании автором советской австраловедческой литературы — допу-

щено явное преувеличение. Однако основные замечания по-прежнему представляются нам правильными. Выше уже говорилось, что на общем фоне первобытно-исторического процесса «патриархальные примитивы» представляют собой сравнительно редкое атипичное явление. О причинах их необычайно раннего перехода к отцовскому роду пока можно только догадываться, но каковы бы ни были эти причины, сам факт перехода свидетельствовал о начавшемся разложении классического родового строя. Свойственные австралийцам элементы патриархата — патрилокальность, патрилинейность, руководящая роль мужчин — это все-таки признаки не расцвета, а начавшегося увядания рода. Поэтому мы не можем согласиться с оценкой общества австралийцев как «типично родового общества» и считаем, что оценивать его таким образом — это значит архаизировать отцовско-родовой строй. Автор неправ и там, где он объясняет руководящую роль мужчин охотой или патрилокальностью (стр. 68). Охота на всем протяжении времени от раннего палеолита до развитого неолита, как правило, превосходно уживалась с материнским родом, который был взорван не охотой и вообще не тем или иным направлением, а лишь определенным уровнем развития хозяйства. И если у австралийцев этот взрыв произошел раньше, то объяснения, на наш взгляд, следует искать не в старых схемах (охота и скотоводство — господство мужчин, собирательство — господство женщин), а в специфике охотничьего хозяйства Австралии, может быть, в уже отмечавшихся особенностях фауны, облегчивших парцеллизацию труда и, следовательно, разложение рода. Что же касается объяснения руководящей роли мужчин патрилокальностью брачного поселения, то вряд ли нужно доказывать, что здесь автор попросту поменял местами причину и следствие.

Остается добавить, что, коснувшись некоторых положений статьи В. Р. Кабо, мы отнюдь не стремились и не стремимся умалить общее значение его в целом весьма солидной и интересной работы. Но мы не могли не обратить внимания, насколько проигрывает она там, где в ней прямо или косвенно отразилась идея исконности отцовского рода.

А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров

От редакции

В письме Н. А. Бутинова, как и в его статье «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи», затронуты такие коренные вопросы первобытной истории, как соотношение материнского и отцовского рода, родовых и производственных отношений, родовой и семейной экономики. Разумеется, в этих вопросах еще немало отдельных неясностей, и их дальнейшая разработка будет способствовать конкретизации наших знаний о первобытном обществе. Однако выступление Н. А. Бутинова, попытавшегося на основе только новогвинейского материала, без привлечения сравнительных данных и учета всего первобытно-исторического процесса, пересмотреть сложившееся в нашей науке общее представление о месте, характере и роли материнского рода, к сожалению, дает в этом отношении мало полезного. Поэтому редакция, признавая, что в опубликованной в № 3 журнала «Советская этнография» за 1963 г. рецензии Ю. Аверкиевой, А. Першица, Л. Файнберга и Н. Чебоксарова были допущены неоправданные резкости, в целом разделяет критические замечания рецензентов.